

УДК 882.09

Е.А.Великанова**ДОСТОЕВСКИЙ И КРАПИВИН: ПАРАЛЛЕЛИ СХОДЯТСЯ***Петрозаводский государственный университет*

The connection between modern works for children and classical Russian literature is studied in the article. The famous Dostoyevsky's question about a "tear of a tortured child", according to the author's opinion, acquires a topical sounding in novel-fantasy "Little Ships or "Help Me On My Way"" written by V.P.Krapivin.

Исследователи классической литературы зачастую снисходительно относятся к современным книгам для детей. Есть мнение, что детская литература существует автономно от «взрослой», «варится в собственном соку», развивается по своим, «детским», законам, которые не всегда вызывают интерес «серьезного» исследователя. Причина такого заблуждения ясна — это, конечно, незнание литературы для детей. Традиции классической русской литературы восприняты и переработаны детской литературой XX в., прекрасным подтверждением чего является творчество Владислава Петровича Крапивина, пишущего для детей и подростков уже около полувека. На связь произведений Крапивина с классической литературой XIX в., вспоминая

особый интерес Ф.М.Достоевского к разработке детской темы, уже указывала исследовательница Т.А.Каракан [1], на диалог с Достоевским иронично намекал и критик Р.Э.Арбитман, называя статью о творчестве Крапивина «Слезинка замученного взрослого» [2].

В.П.Крапивина интересует «положение детей в нынешнем беспокойном, жестоком, неприспособленном для нормального детства мире». Писатель подчеркивает: «тема эта, к сожалению, не стареет, лишь обостряется. И оставлять ее я не считаю себя вправе. Это моя тема» [3]. Все чаще тема детства раскрывается в его произведениях в том же ракурсе, что и в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»: слова о «сле-

зинке замученного ребенка» спустя более сотни лет звучат из уст крапивинских героев с той же болью и остротой, что и из уст Ивана и Алеши Карамазовых.

«Любишь ли ты деток, Алеша? Знаю, что любишь, и тебе будет понятно, для чего про них одних хочу теперь говорить» [4], — обращается к брату Иван. Он рассказывает Алеше о сотнях убитых и замученных детей: о ребенке, затравленном собаками за то, что покалечил генеральскую гончую, о швейцарском мальчишке, «подаренном» пастухам, о множестве детей, жестоко истязаемых собственными родителями, которые, кажется, и любят детей только за их незащищенность и доверчивость, которая «соблазняет мучителей... распалает гадкую кровь истязателя» (XIV, 220). Об этих и подобных событиях говорили газеты и журналы конца XIX в., к которым обращался Достоевский. Нашедшая отражение в произведениях Крапивина современность конца XX — начала XXI вв. отнюдь не менее жестока к детям. «Чтобы убедиться, — пишет Крапивин, — достаточно посмотреть вечерние выпуски новостей — с детьми, искалеченными и убитыми в „горячих точках“, где их папы самозабвенно отводят душу во взрослой игре „Зарнице“. Или почитать в газетах, как спившиеся мамы продают по дешевке своих малышек незнакомым людям. Или о замерзающих от нехватки топлива школах. Или о детских садах, отданных под коммерческие офисы. Или поинтересоваться, сколько ребятишек ежедневно пропадает без вести. Иногда их находят живыми. Иногда — мертвыми, замученными очередной, словно из преисподней обьявившейся нелюдью. Иногда не находят совсем» [5].

Роман-фантазия В.П.Крапивина «Кораблики, или „Помоги мне в пути...“» из цикла «В глубине Великого Кристалла» впервые был опубликован в 1993 г. в журнале «Урал» [6]. Комментируя роман в одном из изданий своих произведений, Крапивин уточняет: «строго говоря, это уже не детское чтение» [7]. Кроме сложного фантастического сюжета, в котором пересекаются многие пространственно-временные линии, тонкого психологизма в раскрытии характеров героев и напряженной трагичности повествования Крапивин вводит в свой роман глубокие философские размышления, очень важную роль в произведении начинают играть христианские мотивы.

Действие романа открывается воспоминаниями ставшего взрослым героя: как в послевоенные годы он, тогда еще мальчишка Петька Викулов по прозвищу Патефон, был исключен из пионеров за то, что отказался сдать в металлолом оклад от иконы Богородицы с Младенцем. Такой иконе молилась Петькина прабабушка, икону берегла мама. «Мы на нее вдвоем с мамой часто смотрели, — вспоминает герой, — прижимаясь друг к другу плечами. А на иконе маленький сын тоже прижимался к материнскому плечу. И оба глядели на меня и на маму так, словно все знали про нас. И жалели...» [8]. Мама Петьки погибла при крушении поезда, а отец не вернулся с войны, хотя и остался в живых — ушел в другую семью. Когда мальчик нашел потемневший от времени оклад, напомнимый пропавшую из дома мамину икону, он не смог отнести его в школу. Верит Петька в Бога или нет, он и сам не знал. Но почистил зубным порошком

латунный оклад, прибил его к доске и отнес в полузатопленный подвал разрушенной церкви, над которым теперь размещался склад или цех. На следующий день Петьку исключили из пионеров, отобрали галстук. Собираясь уйти из дома «партийной и принципиальной» тети Глаши на поиски отца, Петька отнес Богородице с Младенцем самодельный кораблик и помолился словами из песни: «Помоги мне в пути...»

Продолжение романа «Кораблики» заставляет нас снова вспомнить разговор Ивана и Алеши Карамазовых. В неблагополучной Республике, в которой оказываются герои Крапивина, ведется жестокая борьба с беспризорниками, вернее сказать, охота на них — новая «педагогическая» организация планирует взорвать пароходы с сиротами, которым обещали кругосветное путешествие. Как мы помним, Иван Карамазов не принимает мира Божьего, если в его основании — гибель и мучения детей. «Слушай: если все должны страдать, чтобы *страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети*, скажи мне, пожалуйста?» (здесь и далее курсив мой. — Е.В.) (XIV, 222), — обращается он к Алеше. Тот же вопрос повторяет в повести Крапивина священник и кладбищенский сторож отец Венедикт, который часто хоронит погибших беспризорных ребят: «...Взрослые часто виновники своих бед. А *дети-то при чем?* Я знаю, что Господь утешит их в Своем Царстве. Но отчего не дано им было прожить полную земную жизнь? Да и те краткие годы, что выпали им, — разве они были жизнью?... Или есть какой-то всеобщий закон развития мира, по которому *без детского страдания не обойтись?*.. Или впереди такая награда, что искупит все?» (358).

Герои Крапивина не только цитируют героев Достоевского, но и вступают на страницах романа в диалог с ними. Петька Викулов — «книжкой по природе». Его потрясает мысль о том, что «луч света от солнца идет целых восемь минут», — эти слова, напомним, Черт говорит Ивану Карамазову, объясняя, как трудно спуститься с небес на землю. Петьку, прочитавшего «Занимательную астрономию», такое открытие испугало: «... Значит, если оно вдруг погаснет, мы еще целых восемь минут не будем знать про это?!» (195). Эта мысль не оставляет Петьку и многое меняет в его жизни. Как и Ивану Карамазову, ему известна теория Лобачевского, которую «эвклидовский, земной» ум Ивана не способен принять. Петька же, напротив, из тех, которые, говоря словами Ивана Карамазова, «сомневаются в том, чтобы вся вселенная или, еще обширнее — всё бытие было создано лишь по эвклидовой геометрии, осмеливаются даже мечтать, что две *параллельные линии*, которые, по Эвклиду, ни за что не могут сойтись на земле, может быть, и *сошлись* бы где-нибудь в бесконечности» (XIV, 214). Разговор с отличницей-соседкой о геометрии Лобачевского подтолкнул Петьку к догадке: так как рельсы всегда сходятся у горизонта, то, если обогнать скорость взгляда, можно «примчаться к точке, где соединились рельсы, быстрее света! Тогда они, значит, не успеют разойтись! И получится, что *параллельные сошлись!*...» (210). Мечта «догнать маму», предотвратить ее смерть на железной дороге

впоследствии сделала Петьку ученым, одним из основателей теории межпространственного вакуума, изобретателем комплекса «Игла», прошивающего фантастические многомерные пространства.

Надо сказать, что теория пространств увлекает многих героев поздних фантастических произведений Крапивина. Юные «открыватели белого света» способны путешествовать между мирами, поворачивать время вспять, но это не защищает их от жестокости окружающего мира.

Подвал дома садиста-музыканта Феликса Антуана Полоза из романа «Кораблики» был оборудован «специальными приспособлениями» — маленьким электрическим стулом, даже мини-гильотиной «по мальчишескому росту». А железный пол, по которому подавался ток разного напряжения, позволял наблюдать мучения жертвы. Прислужничает маэстро лилипут Карлуша. В некотором смысле крапивинский маньяк Полоз, конечно, «великий инквизитор», правда, не тот католический первосвященник-атеист, «поэму» о котором придумал Иван Карамазов. «Инквизиция» Полоза — это пытки и издевательства над детьми, одно из любимых его «удовольствий». Полоз — уже не человек. В этом убеждаются и герои, и читатели книги. «Это оборотень, воплощенное зло. Исчадие Сатаны... Странно звучит в наш просвещенный век, но это так, я уверен» (285), — говорит один из героев.

Гениальный изобретатель, музыкант, но вместе с тем и чудовище, Полоз выступает в романе именно как персонифицированное зло, носитель и защитник тех идей, которые в романе Достоевского заставляют Ивана Карамазова отказаться принять мир Божий. Ближе всего Полоз к образу Черта, являвшегося терпящему рассудок Ивану. Полоз тоже приходит взрослому Викулову во сне, и лицо его — «боязливо-обывательское... Как у бродячего торговца без патента» (390) — вызывает отвращение героя, такое же, как отвращение Ивана Карамазова к физиономии «пошлого черта», «приживальщика». Феликс Антуан Полоз, явившись Викулову, говорит о самом главном — о смысле и законности своего собственного существования: «Смешно думать, что кто-то *один*, пускай даже Богочеловек, может заплатить собою за бесчинства миллионов. Мировая математическая логика требует, чтобы для расплаты страдали тоже миллионы. Миллионы невинных, с нетронутыми душами. Это заложено в самой основе Мироздания...» (390). Полозу вторит Черт Ивана Карамазова: он — «необходимый минус», благодаря которому существует мир. Его назначение — «губить тысячи, чтобы спастся *один*». «Сколько, например, надо было погубить душ и опозорить честных репутаций, чтобы получить *одного* только праведного Иова, на котором меня так зло поддели во время оно!» — говорит Черт. «Нет, пока не открыт секрет, для меня существуют две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, которая будет почище...» (XV, 82). Черт Ивана «чувствителен и художественно-восприимчив», а маэстро Полоз находит «в трепете страдающих детских тел... то же наслаждение, что для музыканта — в прекрасной мелодии...» (391).

Расправились со своими кошмарами герои романов почти одинаково: Иван бросил в физиономию Черта стакан чаю, а Петр Викулов, как полагается герою современности, «выхватил из-под подушки пистолет. Дернул предохранитель, выпалил в повисшее совсем рядом лицо» (392).

Прервать кошмар Ивана приходит с молитвой брат — Алеша Карамазов, горячо любимый детьми, а за Петра Викулова молится отец Венедикт, настоятель «Детской» церкви, той самой, восстановленной после разрушения, куда когда-то отнес самодельную икону и кораблик маленький Петька-Патефон. «Потом на этой найденной доске мастер написал святые лики, а нимб оставили прежний» (357), священнослужители сберегли и кораблик — дар чистого детского сердца. Теперь у храма есть и другое название — «Корабельный», потому что дети стали приносить к иконе с молитвами и просьбами самодельные кораблики. А священнослужители отпускают их в плаванье — под фундаментом церкви открылся родник.

В произведениях Крапивина фантастика позволяет героям «исправлять» реальность, предупреждать трагедии. Для героев «главное — всегда успевать туда, где сбегаются рельсы» (466). Поэтому Петька ни за что не купит маме железнодорожный билет, а пароходы с беспризорниками никогда не взорвутся.

Перечитывая роман-фантазию Крапивина «Кораблики, или „Помоги мне в пути...“», мы все больше убеждаемся в том, что воззрения автора, заставляющие его снова и снова заострять внимание читателей на проблемах детства, глубоко созвучны идеям, высказанным Достоевским в романе «Братья Карамазовы». Сопоставление двух романов, адресованных разному кругу читателей и написанных в разные эпохи, позволяет сделать вывод о том, что лучшие произведения современной литературы для детей, к каким мы относим и «Кораблики» Крапивина, имеют глубокие корни в классической традиции.

Злободневное фантастическое произведение В.П.Крапивина, писателя по преимуществу «детского», — и роман Ф.М.Достоевского, вершина классической литературы. Как ни парадоксально, перед нами — те самые параллельные прямые, которые, проходя сквозь времена и сердца читателей, пересекаются в одной точке. Точка эта — защита Детства.

1. Каракан Т.А. Категория детства в романе Е.Замятина «Мы» // Проблемы детской литературы: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1992. С.17-25.
2. Арбитман Р. // Детская литература. 1993. №12. С.6-8.
3. Крапивин В.П. Пионерско-готический роман, тинэйджеры и «обескураживающие повторы». (О критике г-на Р.Арбитмана) // Уральский следопыт. 1994. № 8. С.59.
4. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т.XIV. Л., 1976. С.216. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
5. Крапивин В.П. Пионерско-готический роман... С.62.
6. Урал. 1993. №10-12.
7. Крапивин В.П. Комментарии к Собранию сочинений // Крапивин В.П. Струна и люстра. М., 2007. С.616.
8. Крапивин В.П. Кораблики, или „Помоги мне в пути...“ // Крапивин В.П. Синий треугольник: Роман, повести. М., 2006. С.194. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.